

Глава 3. Функциональная модель феномена гражданина

Из базовых установок парадигмы социокультурного анализа вытекает принцип конструирования модели гражданина. Начнем с теоретико-методологического обоснования необходимости ее построения и обозначения границ применения. Речь идет об изложении философско-методологических установок, имеющих логико-гносеологическую природу, лежащих в основе конструирования нашей модели и позволяющих развернуть ее в четырех исторических эпохах.

Социальный процесс в целом предстает как стохастический, вероятностный по результатам процесс деятельности разного рода субъектов (социальных общностей, индивидов), сочетающий элементы сознательности и стихийности. Необходимость постоянного приспособления тех или иных социальных общностей к внешним и внутренним обстоятельствам изменяющейся среды вызывает поиски ими наиболее оптимальных способов такой адаптации. Сами общности и способы их деятельной самоорганизации представляют собой наиболее устойчивые способы адаптации. В ряду таких способов адаптации стоит и феномен гражданина (и гражданского общества), который является неким следствием, или реакцией приспособления общности к среде, возможной в данное время. При рассмотрении феномена гражданина на уровне социального процесса выявляется его роль динамичного средства адаптации общества к постоянно меняющейся среде. В западноевропейской истории феномен гражданина возникает в разнообразных, внешне непохожих формах. Тем не менее, за этим разнообразием форм улавливается некий общий смысл феномена: он способствует увеличению спектра возможностей целенаправленного движения истории. История, развитие, возникает в связи с появлением личности как формы социальности, наличие феномена личности свидетельствует о качественно ином характере истории. Внутренняя и внешняя динамика, изменение – вот то, что роднит и связывает воедино личность и историю.

Мы исходим из отсутствия онтологических оснований универсальной истории человечества («птолемеевой системы истории») и линейного развития феномена гражданина от античности к

Часть I. Проблема исторического становления

новому времени и утверждаем необходимость отказа от европоцентризма в решении проблемы становления гражданина. Обоснованию такого взгляда могут помочь положения теории О. Шпенглера, который писал о том, что «у “человечества” нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана» и что исключение этого порожденного Просвещением “фантома”, этой «освященной схемы» из исторического исследования дает “феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на протяжении своего существования, и каждая из них налагает на свой материал – человечество, свою собственную форму и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть”»¹. Во всемирной истории он видел «картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм»².

Выделяя совокупность локальных, обособленных друг от друга культур, существование которых подобно жизни организмов, Шпенглер говорил и о параллелях между различными культурами, о сходстве форм искусства, философии, политических образований и т.д. Исходя из этого можно предположить возможность создания логико-методологического инструмента для сопоставления разных форм гражданина. Таким инструментом может стать функциональная модель гражданина, которая, с одной стороны, позволит видеть пространственное и временное разнообразие форм феномена гражданина, с другой – выделить сходные структурные особенности в разных его формах. В этом смысле нельзя говорить о том, что феномен гражданина циклически повторяется в европейской истории, поскольку в ней нет абсолютной повторяемости, как нет и линейного восхождения (расширения) форм, но можно говорить о том, что циклически повторяются сходные средства адаптации общностей к среде. К числу таковых мы относим разные способы включения индивидов в политическую общность, одним из которых является феномен гражданина как необходимое функциональное звено политической системы. Функциональная модель гражданина – попытка выявить циклически повторяющиеся структурные моменты представляющего в разнообразных исторических формах

¹ Шпенглер О. Указ. соч. С. 56-57.

² Там же.

феномена, это попытка моделировать существенные черты такого способа формирования политической системы. Наша модель представляет собой гипотетический конструкт, с помощью которого мы надеемся приблизительно, в общих чертах реконструировать разные исторические формы западноевропейского гражданина. Невозможно воссоздать полную картину генезиса и существования феномена гражданина, но можно реконструировать исторические модели этого феномена как варианты общей функциональной модели гражданина. Это попытка найти не онтологические, а логико-методологические основания исследования исторических форм гражданина, или принятый нами способ описания данного феномена.

Логико-методологический статус функциональной модели гражданина находит обоснование в следующем. Ж.П. Сартр писал, что экзистенциалистов объединяет «убеждение в том, что существование предшествует сущности, или (...), что нужно исходить из субъекта»¹. Экзистенциализм задал вектор мысли, противоположный эссенциализму (или онтологизму) и установке, присущей классической парадигме, согласно которой сущность предшествует существованию. Человеческая реальность, или бытие человека, предшествует ее познанию, определению этой реальности в понятиях. Принцип человеческой субъективности – основа экзистенциализма, позволяет индивидуальному субъекту владеть собственным бытием и нести за него ответственность, осуществлять ценностный выбор существования в пределах собственной субъективности (свободы действия, способности к выбору и изобретениям и т.д.), с одной стороны, и в пределах общности условий существования – с другой. Человек существует, одновременно творя собственный образ, вольно или невольно создавая и видя в нем общезначимый ценностный образ человека как представителя человечества. Отсюда универсальная значимость любого индивидуального проекта человека. Функциональная модель гражданина – один из возможных инструментов социокультурной парадигмы, способный учитывать роль человеческой субъективности в поисках и нахождении способов формирования общностей и политических систем, «несущей конст-

¹ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 321.

Часть I. Проблема исторического становления

рукцией», живым источником, активирующим началом, субъектом которых является гражданин.

Общее, существенное не предшествует разным формам гражданина, но высвечивается в конкретике, своеобразии, индивидуальности этих форм. Функциональная модель – инструмент, способный выявить это общее, структурное, повторяющееся именно в неповторимых специфических формах. Она – не сущность гражданина, предписанная самой человеческой истории, не ее закон, поскольку нет законов в самой истории. Чтобы понять историческую реальность, человек изобретает познавательные инструменты, с помощью которых надеется реконструировать эту реальность. Эти инструменты несут печать субъективности исследователя, его установок на решение актуальных проблем и задач, его интересов и предпочтений. В данном случае с помощью функциональной модели мы ставим прошлому вопросы, ответы на которые могли бы помочь нам в решении исследовательских задач настоящего.

Идеи экзистенциализма приводят к мысли о зависимости исторических форм гражданина от человеческой субъективности, задаваемой «общностью условий существования», от конкретного способа созидания индивидом (группой) человеческой всеобщности; от относительных результатов абсолютного выбора, осуществляемого в каждую эпоху, от относительности культуры, являющейся следствием абсолютного по характеру свободного действия человека. В относительном высвечивается абсолютное, в локальном – универсальное, в явлении – сущность. Включая в модель гражданина культурное (ментальное) и личностное измерения, мы стремимся выразить роль человеческой субъективности.

Логика изложения с необходимостью требует остановиться на соотношении сущности и существования человека. Взаимосвязь этих понятий помогает раскрыть следующее положение философии М. Хайдеггера: «То, что есть человек – то есть на традиционном языке метафизики, «сущность» человека, – покоится в его экзистенции»¹. Обосновывая важность иного по сравнению с метафизическим (классическим) истолкованием соотношения сущности

¹ *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 324.

и существования человека, Хайдеггер развивает собственное понимание экзистенции: это не действительность «в отличие от essential как возможности», но «...человек существует таким образом, что он есть «вот» Бытия, то есть его просвет. Это – и только это – «бытие» светлого «вот» отмечено основополагающей чертой экзистенции, то есть экстатического выступления в истину бытия. Экстатическое существо человека покоится в экзистенции»¹. В каждый конкретный момент, в каждом действии человек, действуя определенным – заданным отношениями и обстоятельствами – образом, все же выходит за пределы и объективных условий, и собственной субъективности. Это оказывается возможным благодаря языку. Экзистенция – не актуализация потенциально присутствующей в мире Бытия сущности, не ею производится и полагается сущностное. Хайдеггер считает одинаково метафизичными и тезис классической философии о сущности, предшествующей существованию, и тезис Сартра о существовании, предшествующем сущности. Разделение бытия на сущность и существование, а также их противопоставление, характерное для западноевропейской мысли, уводят от понимания действительной связи между ними, оказывая негативное влияние на европейскую историю.

Сущность и существование человека едины, в самом существовании человек восходит к истине бытия и к собственной сущности. В каждом явлении, которое воспринимает и «представляет-перед-собой» мыслящий человек, он раскрывается перед собой в качестве «субъекта всякой достоверности», стремящегося к истине Бытия, но никогда не достигающего ее. Домом бытия, живя в котором, человек экзистенцирует, является язык, принадлежащий истине бытия и оберегающий ее. Посредством языка сущность бытия открывается человеку. В поиске истины Бытия человек находит исторически обусловленные способы раскрытия сущего: труд, технику, «бытийно-историческое мышление» и т.д. Хайдеггер считает необходимым достижение признания «существенности исторического аспекта в бытии»². Экзистенцируя, человек отвечает на вопрос о собственной сущности, причем, каждое индивидуальное существование (миг, явление, культурная форма) имеет отношение к об-

¹ Хайдеггер М. Указ. соч. Там же.

² Там же. С. 326.

Часть I. Проблема исторического становления

щему, а в сущности конкретного явления индивидуального бытия заключается сущность человечества. Сущность (трансцендентное) в каждом конкретном, «обычном» бытии человека. Раскрыть ее помогает язык, посредством которого мысль прорывается в бытие. «Историчность языка» дает и показывает «делание мысли».

Функциональная модель гражданина в этом смысле – то гипотетическое средство, способ, инструмент, попытка в каждой исторической форме гражданина выявить существенные черты феномена гражданина. Сущность всегда конкретна, и вне явления, вне бытия не существует. Язык, вплетенный в бытие, и коммуникация на его основе, служат выражением заключенной в явлении сущности, их анализ помогает прояснению устойчивой зависимости объективных аспектов социальной реальности от человеческой субъективности. Поэтому так важно содержательное (культурное, ментальное) измерение в модели гражданина. Представленное структурно-семантическим каталогом бинарных оппозиций, оно позволяет включить в исследование семантический анализ слов языка, выражающих феномен гражданина, и способствует пониманию семиотических аспектов данного феномена. Отсюда необходимость введения методов семиотики в состав парадигмы социокультурного анализа.

Феномен гражданина – это совокупность социальных ролей, задаваемых индивиду социумом и культурой. Данная совокупность представляет собой достаточно сложный конгломерат институционализированных социальных ролей, исполнение которых ожидается от индивида, поощряется и санкционируется той или иной общностью. Разнородный состав ролей выстраивается в определенную иерархию, или ролевую структуру, только посредством акта медиации. Традиционное следование одному и тому же несложному составу ролей не подразумевает этого медиационного акта. Необходимость медиации вызывается резким усложнением состава ролей, что связано с концентрацией населения, общественных связей, власти в городах и возникновением городской государственности. В этом случае осуществляется некий сдвиг в эволюции общества, помимо циклических процессов в ней появляются исторические, направленные. На уровень истории общество переходит в связи с возникновением личностной формы социального, создающей возможность динамики, изменения культуры и общества.

К. Ясперс ввел понятие «осевого времени», понимая под ним время перехода от циклического к направленному движению истории (между 800 и 200 гг. до н.э.) и связывая этот сдвиг с ростом значения личности в истории. Это положение К. Ясперса поможет понять общую картину социальной истории и место, занимаемое в ней феноменом гражданина. Духовный процесс, составляющий основу осевого времени, привел к резкому повороту истории – появлению человека современного типа. Новизну произошедшего в тот период в китайской, индийской и западной культурах К. Ясперс усматривает в том, что «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы», «ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира»¹. Человек открыл в себе способность к рефлексии собственной жизни, сознания и мышления. Разработав основные понятия, в пределах которых мыслит и современный человек, заложив основы мировых религий, античный человек совершил переход к универсальности, не уничтожив локальности своего бытия и культуры. Подвергая сомнению и рациональному анализу все бессознательно принятые ранее ценности, «истины», обычаи, установления, идеалы, нормы, античный человек начал прояснять для себя основы традиции, по которой жил, преобразуя ее.

Человек постепенно превращал миф из аксиомы в гипотезу. Его разум вторгнулся в основы мифологической картины мира, постепенно разрушая ее, верифицировал и фальсифицировал традиционный опыт, заключенный в мифе, вносил строгий иерархический порядок в стихию божеств и демонов, усиливал этическую сторону религии, одухотворяя собственное бытие. Безусловные устои жизни стали обретать противоречивость и двойственность, стабильность «черно-белого» видения мира постепенно вытеснялась мышлением, ищущим медиации, разрешения антиномий. В лице философов человек античности начал искать опору в самом себе, внутренне отделяя и противопоставляя себя миру. Пытаясь найти пути и способы освобождения и спасения, античный человек во всех крупных культурах того времени выходил «за пределы своего индивидуального существования». Сознывая свое место в целостности бытия, он начал раздвигать рамки локальной истории до универсальной, циклически повторяющейся – до имеющей за-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33.

Часть I. Проблема исторического становления

данную человеком направленность. Осевое время вторглось в медленный ритм циклического времени. «В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью»¹. В циклически повторяющиеся ритмы духовного состояния людей человек привнес цель, движение духа, направленное к освобождению и спасению. На фоне циклического времени в истории появилось направленное время, задаваемое рациональным и этическими началами. Появление личности на уровне отдельных индивидов не стало общим, массовым достоянием и процессом, но косвенно влияло на изменение всех людей. В предмет размышления превратились и само движение человеческого духа, и изменения в разных сферах бытия.

В политическом отношении осевое время завершилось созданием могущественных империй, однако дух предшествующей эпохи, воплощенный в культурных образцах (в том числе в идеалах политического устройства общества, к которым относится и этос гражданина), стал объектом почитания и содержанием обучения и воспитания. Духовное напряжение осевого времени с тех пор продолжало оказывать определенное воздействие на людей после осевого времени, даже несмотря на некоторый возврат к циклизму в истории. Циклизм, стабильность в империях стали символом их вечности. Но дух осевого времени, дух динамики и изменений, воплощающийся с особенной силой в публичной сфере, в формах демократии (политии, республике), сделал невозможными абсолютный циклизм и незыблемость социальных и политических форм жизни.

Конкретную связь феномена гражданина и личности мы будем рассматривать в ходе анализа каждой из четырех исторических форм гражданина во второй части книги. Но предварительно мы хотим наметить логику, этапы процесса исторического становления феномена гражданина, существенной особенностью которого является взаимосвязь с возрастанием значения личности в западно-европейской истории. В античности преобладало циклическое время, однако произошел и некий прорыв, связанный с появлением «осевого времени». Речь не идет о личности как таковой, однако как раз с феноменом гражданина связано появление первых признаков личности. Индивид именно в качестве публичного лица

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 35.

впервые обнаруживает определенные личностные черты, эта публичная явленность индивида и есть первой пробудившаяся ипостась его личностной жизни. Гражданин и есть публичная роль индивида, играть которую заставляет его весь социокультурный контекст эпохи античной классики и, в частности, необходимость осуществления им обязанностей-прав гражданина, члена городской общины, общественно-политический долг по отношению к государству, укорененный в мифологических, религиозных, правовых, этических и эстетических нормах, в этосе гражданина. Здесь личность прорастает со стороны публичной деятельности – необходимости участия в военных походах, собраниях, суде и т.д. В искусстве это отражается появлением понятия *proposon* (*persone*) – маски, выражающей социокультурный тип, принадлежность к определенному слою граждан и связанные с ним нормы культуры. Маска создает для индивида образ идеального гражданина, героя, диктуя ему необходимость соответствия ей, это касается его внешнего облика, манер, стиля поведения, речи, образа жизни и т.д. В маске нет ничего индивидуально-психологического. В общественных связях и культурной маске публичное лицо гражданина уже институционально представлено, созрело, готово, но индивидуально, со стороны ментальности, личность еще не вызрела.

Перелом в вызревании иной формы социального наступает в средние века. Августин фиксирует культурное – религиозно-этическое рождение личности. Институциональное в средние века фиксируется понятием града земного, ментальное – града небесного. Гражданин (праведный христианин) должен быть и земным, и небесным существом, полем медиации между двумя градами постепенно становится душа христианина. В образе христианина-горожанина происходит уравнивание институционального и ментального, даже опережение ментального созревания личности по сравнению с институциональными формами ее бытия. «Должное в культуре всегда первичнее сущего»¹. О пробуждении способности средневекового человека к рефлексии свидетельствует то, что городская культура начинает строить автомодель.

Потребность увидеть образ себя в городе, удовлетворяемая средствами теологии, мистики, христианского искусства, привела к

¹ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998. С. 210.

Часть I. Проблема исторического становления

рождению самосознания горожан. В раннее средневековье это стремление воплотилось в модели двух градов, созданной в рамках теологии. Автомодель культуры начинала строиться с семантизации и семиотизации Должного. Сущее в культуре всегда онтологизируется в оппозиционном инополагании к предсущему должному. Между полюсами возникает поле инверсионно-медиативных структурных отношений¹. На стадии становления полюсов вертикальное движение структурно-семантического каталога являет следующую «горизонтальную» развилку. В различных культурах существуют разные способы переработки бинарных оппозиций – где-то доминирует инверсионный путь, где-то медиативный. В западной культуре процесс медиации наиболее последовательно и полно выявляет, рефлектирует и семиотизирует весь ряд новообразуемых смысловых структур и позиций. В этом ее коренное отличие от восточнохристианской традиции. По традиции западного оккультизма каждый земной город имеет своего небесного (астрального) двойника. Снятая антиномия в медиационной культуре переводится на следующий уровень дуализации, это сопровождается семантизацией и семиотизацией всего окружающего прафеноменального поля. Развиваются и институционализируются разнообразные формы культурной рефлексии. Один из ее видов – изобразительное искусство, внутри которого постепенно вычленяется автономное художественное сознание. На Западе художественное сознание развилось до автономного субъекта-медиатора между всеми глобальными оппозициями культуры, в том числе внутри оппозиции двух градов, образующей одну из несущих конструкций автомодели культуры как целого. То же можно сказать и о политическом сознании, только оно выходит вперед в эпоху буржуазных революций в Европе и Северной Америке. В древности в Афинах и Риме политическое сознание существовало как часть синкретического сознания, включающего элементы религии, морали, права.

Именно с осевого времени история постепенно начинает приобретать характер, описанный Ф. Броделем. Концепция «глобальной истории» Ф. Броделя предполагает связность истории, рассмотрение ее в качестве многоуровневого процесса, охваты-

¹ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 210.

вающего все стороны жизни человека, где человек не расчленяется на homo religiousus, homo oeconomicus, homo politicus, и в то же время «эшелонированность в глубину, слоистость, ступенчатость» исторической действительности¹. Это объемное изображение истории, подразумевающее понимание «глобального общества» как совокупности систем, включающих бесконечное множество подсистем. Экономическая, социальная, политическая, культурная система – лишь наиболее исследованные системы глобального общества. Уровни исторической действительности находятся в постоянной, динамичной взаимосвязи между собой. История осуществляется не как едионаправленная и равноускоренная эволюция, а в виде неравномерных, смещенных во времени движений. Каждому уровню исторической реальности присущ свой временной ритм. Глобальная история представляет собой сложное сочетание множества ритмов, процессов, событий. Метафорически глобальную историю можно помыслить как длящуюся симфонию, которая вмещает в себя особенности всевозможных музыкальных произведений, включая будущие, и характеризуется полиритмией, полистилистикой, полифонией, полифункциональностью, полимодальностью и т.д. Деление истории на три временных слоя (уровня) – некий исследовательский прием, облегчающий видение истории. В глобальной истории благодаря этому высвечивается множество локальных историй.

Ф. Бродель выделяет три структурных уровня (зоны) экономической и социальной действительности: 1) низовой уровень элементарной, «базовой», повседневной, рутинной деятельности людей, или уровень «материальной жизни» («материальной цивилизации»), на котором исследователь находит множество конкретных историй; 2) средний уровень гибкой и подвижной рыночной экономики, то есть «механизмов производства и обмена, связанных с деятельностью людей в сельском хозяйстве, с мастерскими, лавками, с биржей, банками, ярмарками и ... рынками»; 3) возвышающийся «над обширной поверхностью рынков» уровень активных иерархических социальных структур», которые

¹ Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и его видение истории // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М., 1986. С. 15.

Часть 1. Проблема исторического становления

«искажают ход обмена в свою пользу», расшатывают «установившийся порядок»¹.

Важнейшее значение в концепции глобальной истории Ф. Броделя имеет категория социального времени, имеющая разные характеристики – длительную (медленный ритм), среднюю и краткую временную протяженности. Это иное понимание социального времени по сравнению с трактовкой его как бессодержательной вместительности, как равномерно протекающего календарного времени, как однонаправленного, прогрессивного процесса. Броделевское социальное время включает представление о множественности времени, о временном разнообразии, полиритмии, прерывистости, текучести и т.д. Ф. Бродель акцентирует внимание на трех различных временных протяженностях, или типах социальной реальности: 1) стагнирующей, почти неподвижной, инертной истории, где господствуют постоянные, стабильные структуры; времени, в котором изменения совершаются столетиями или тысячелетиями; 2) циклической истории, связанной с изменениями, происходящими в социально-экономической сфере, с жизнью обществ и цивилизаций (культур); 3) «событийной», поверхностной, быстро изменяющейся истории, связанной с политической жизнью обществ. Три уровня исторической действительности – это и есть три одновременно сосуществующих уровня социального времени. На первом – бессознательном уровне история складывается как переменчивая, но перманентная и в этом смысле бесконечная игра интересов социальных групп и индивидов. Это своего рода калейдоскоп интересов, где результат – сочетание сил в данный момент времени. Второй уровень истории представляет собой вкрапление сознательных моментов в бессознательный процесс борьбы интересов. Третий – сознательный уровень истории формируется в результате целенаправленных и скоординированных действий узкого круга людей, обладающих возможностями (властными ресурсами) влиять на направленность истории.

С первым уровнем истории связаны такие формы адаптации человеческих общностей к природе, которые подчиняются ее ритмам, а потому носят преимущественно стихийный характер. Вто-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 33-34.

рой уровень истории показывает возрастание роли культуры и сознательной деятельности людей, при этом моменты стихийности и сознательности (рациональности) в истории бесконечно варьируются в разных сочетаниях и находятся в относительном равновесии, а на первый план выходит игра социальных интересов. На третьем уровне степень целенаправленности исторического движения становится еще более высокой, хотя стихийность социальных процессов сосуществует с их направленностью, и даже может порождаться в результате сложения разных видов целенаправленной деятельности, то есть рождаются новые виды стихийности, свободные от зависимости от природных циклов. Целенаправленность социальным процессам придает вышедшая на историческую арену личность. Третий уровень истории связан с появлением автономных субъектов действия и отношений.

Рассмотрение концепции Ф. Броделя дает основание перейти непосредственно к описанию нашей модели. Инвариант функциональной модели гражданина составляют три измерения. Первое, формальное измерение модели – это социальное, преимущественно институциональное в данном феномене, это объективный социальный и политико-правовой статус индивида, заданный комплексом ролей, в которых есть и устойчивые, и изменчивые моменты. За статусом скрывается социальная роль индивида – быть носителем различных отношений. Институциональный аспект рассмотрения явления позволяет привлечь теорию Т. Парсонса, который заложил контуры понимания социальной роли. Каждая социальная роль задается конкретным отношением, в которое вступает индивид. «Система отношений живого организма, взаимодействующего с некоторой ситуацией» интегрируется в некий центр – единый «организм-личность». Эта единица осуществляет определенные функции, или «единообразные роли», вытекающие из совокупности ее отношений. Система отношений, в которую включено действующее лицо, не просто имеет ситуационное значение, а непосредственно образует саму личность»¹. Итак, каждое отношение индивида, вступающего во взаимодействие с другими людьми есть его

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: МГУ, 1994. С. 460.

Часть I. Проблема исторического становления

функция, задаваемая данной ситуацией, или конкретная социальная роль. Система функций, или социальных ролей индивида, образует, по мнению Т. Парсонса, личность. Сам Парсонс добавляет к сказанному, что хотя отношения имеют «единообразную социальную структуру», это не означает, что каждая личность определяется «ролями» одинаковым образом, но каждая из ролей включается в «иную личностную систему», и роли, в которых участвует личность, не целиком определяют ее свойства¹. Однако в дальнейшем Парсонс пишет, что о личности и культуре он всегда говорит «лишь в их отношении к структуре и функционированию социальных систем»². Соглашаясь с определением социальной роли Т. Парсонсом, мы считаем необходимым дополнить его позицию в отношении к личности: система ролей образует не саму личность, но лишь институциональные условия ее бытия (действий и отношений), то есть объективные параметры существования личности. Понятие социальной роли (функций личности) по отношению к социальной системе дает лишь часть картины взаимодействия личности и общества в формальном и статичном изображении, которое должно быть дополнено содержательным и динамичным, учитывающим процесс активной личностной самоидентификации, субъектность личности, мотивируемой индивидуальной ментальностью.

Формальный уровень рассмотрения структуры социальных систем подразумевает следующее. Статус-роль, по Парсонсу, это «роль участвующего индивидуального деятеля» как «минимальной единицы социальной системы». Роль образует минимальное отношение как «стандартизированное взаимодействие» или функционирование участника в качестве деятеля, ориентирующегося на других, с одной стороны, и в качестве объекта воздействия на него остальных участников, с другой. Коллективы, являющиеся единицами социальных систем более высокого порядка, представляют собой организованные системы действия, характеризующиеся исполнением ролей множеством человеческих индивидов³. В каждой роли как стандартизированном отношении есть нормативный элемент, включающий в себя направленный к индивиду «ряд ожиданий» относительно его поведения «по оси приемлемое – неприем-

¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 460.

² Там же. С. 461.

³ Там же. С. 466-467.

лемое, правильное – неправильное». Со стороны взаимодействующих с индивидом людей эти ожидания оказываются рядом стандартов поведения, предполагающих позитивные и негативные санкции по отношению к исполняющему роль индивиду. Основой стандарта отношений, заключенного в роли, безразличной к подробностям ситуации или конкретным функциям ее участников, является общая для системы в целом ценность. Конкретизацией ценностного стандарта, учитывающей конкретные функции участников и контекст ситуации, является норма. Стандарты роли соотносят, связывают общие ценности и конкретные нормы (механизм «отнесения к ценностям»). В этом пункте заканчивается разделение социального и культурного аспектов социальной роли и вырисовывается их реальная связь, динамичное единство. Нормативный элемент социальной роли опирается на институциональное измерение самой культуры, связанное с ее содержанием. Социальная роль наполнена культурным содержанием. В этом заключается возможность выхода за пределы институционального ракурса рассмотрения. Здесь выясняется условность обособления культурной и социальной сторон социальной реальности и ее явлений. Тем не менее для теоретического анализа такое условное разделение необходимо.

Итак, первое измерение модели гражданина представляет собой своеобразный комплекс социальных условий материального бытия индивида, включающих его экономический, собственно социальный, правовой и политический статусы. Это институциональное измерение бытия гражданина. Статус гражданина образуется пересечением социальных, экономических, юридических и политических отношений. Это определенное, достаточно высокое положение индивида в социальной системе, имеющее и вертикальное, и горизонтальное измерения, связано с его обязательной фиксацией в правовых и политических институтах. Статус гражданина во всех исторических формах, характерных для Западной Европы, неотделим от такой формы социальности, как городская община. Уровень социально-экономических отношений, так или иначе связанный с наличием собственности у члена городской общины, также вплетен в систему отношений общности граждан города. Будь ли это афинская классическая демократия, средневековый город или национальное государство нового времени, везде статус гражданина составляет неотъемлемый и даже образующий элемент

Часть 1. Проблема исторического становления

социальной системы города, определенным образом связанный с государствообразующей функцией города, с началами государственности. Во всех формах гражданин имеет то или иное отношение к государственности, то есть к политическим отношениям: 1) прямое, как в античности; 2) возникающее наряду с иными формами власти, опосредованное (властью короля или сеньора), как в средневековом городе; 3) смешанное – прямое и опосредованное институтом представительства, как в нации-государстве. Соответственно этому, в качестве члена городской общины гражданин в той или иной степени причастен к власти и управлению – верховной, центральной или местной, власти самоуправления города. Признаком гражданина является определенная степень участия в политических, властных отношениях, отношениях господства-подчинения. Во все исторические эпохи существования феномена политический статус гражданина имеет ту или иную форму юридической фиксации, оформлен в виде правового статуса, хотя степень выраженности и соотношения публично-правового и частноправового аспектов этого статуса различны.

Второй блок общих, инвариантных характеристик любой исторической формы гражданина составляет содержательное – культурное, или ментальное измерение, по сравнению с первым измерением имеющее более непосредственное отношение к динамике общественных связей. Это комплекс нормативно-ценностных форм культуры – религиозных, моральных, правовых, политических, педагогических и других: образцов поведения, идеалов, ценностных представлений и т.д., составляющих совокупность общественных предписаний, ожиданий, норм, оценок, санкций, имеющих регулятивный характер, и задающих «стандарты устойчивости» (Т. Парсонс) как основу интеграции культурной системы. Все это составляет некий этос гражданина, с той или иной степенью жесткости обязывающий члена общности граждан к исполнению ожидаемой от него роли. Это противоречивый комплекс, один полюс его составляют предписания, нормы, побуждающие его к ожидаемым действиям, другой – запреты, ограничивающие произвольные действия. Нормы-образцы – это ожидаемое от гражданина поведение, они устанавливают границы допустимого и возможного для него, это содержательные культурно-психологические ментальные установки. Безусловно, вся эта совокупность ценностей, норм, представлений –

ни что иное, как признание наличного статуса гражданина, имеющее религиозный, моральный и правовой аспекты. Так или иначе, этос гражданина связан с общественными ожиданиями от индивида поощряемого поведения. В совокупности ценностей, лежащих в основе этоса гражданина, во всех исторических его формах, базовыми являются ценности справедливости, свободы и ответственности. Этот комплекс представляет собой взаимодействие содержащихся в формах культуры (религии, в особенности) ценностей и норм жизни, и составляет основу духовного статуса гражданина. Последний выражает ментальные слои культуры, включает «высокие» и «низкие» ее уровни, отраженные в языке элиты и языке народа, толпы, языке официоза и языке повседневности. Духовный статус отдельного гражданина в практических отношениях между людьми получает выражение в нравственном, этическом статусе, в этике гражданственности или цивилизованности. Этот параметр – отношение культуры к отдельному представителю общности граждан и соответствующая ментальность гражданина. Одним из основополагающих в совокупности ценностей, входящих в смысловое поле этоса гражданина, является понятие гражданского долга, подразумевающее определенные обязанности гражданина по отношению к городской общине как целому. Это нормативное, нравственно-правовое положение, имеющее регулятивный потенциал в отношении мотивации деятельности индивида.

Ментальное измерение модели гражданина образуется напряжением между двумя полюсами культуры: первый полюс образуют культурные нормы общности, к которой принадлежит индивид, второй – совокупность ментальных структур и установок индивида. Последнее включает все то, что в развитых формах называется внутренним миром личности и включает религиозный, нравственный, экономический, правовой, политический, когнитивный, психологический аспекты индивидуальной культуры гражданина. Это – религиозность, нравственность, экономическая культура, политическая культура и сознание, правовая культура и сознание, психологические качества личности.

Ментальное и институциональное измерения модели находятся между собой в постоянном взаимоотражении и взаимодействии. Источником и одновременно результатом их динамического взаимовлияния является личностное начало – третье, особое изме-

Часть I. Проблема исторического становления

рение модели. Личность порождается пульсирующим процессом встречного движения социума и культуры, и в то же время она представляет собой тот «черный ящик», в котором происходит воздействие культуры на социум, мотивирующее деятельность индивида и в котором социальная реальность корректирует, приспосабливает к себе, перемалывает ценности культуры, «обмирщая» и растворяя (рассредоточивая) их в реальности. В этом взаимобратном процессе переработки социума культурой и культуры социумом возникает и становится личность.

Личность и гражданин – это два измерения одного и того же явления, а с точки зрения их становления – это два аспекта одного и того же процесса. Гражданин есть лишь одна из сторон личности, это ее политико-правовая ипостась, возникновение этой ипостаси исторически предшествовало появлению собственно личности в ее целостности и полноте. Взаимообусловленность личности и гражданина четко видна, если рассматривать эти феномены как два аспекта одного и того же – индивида. Гражданин – статичная, структурная функция индивида, которая связана с соответствующим аспектом социальной реальности, а личность – его динамичная роль, связанная с обновлением и расширением социальных отношений. Личность реализуется в роли гражданина не полностью, но лишь в области своих отношений, сторон и свойств, более тесно связанных с публичной жизнью: в гражданине политическое, публичное вбирает в себя все остальные формы ее реализации и ипостаси – как экономического человека, как субъекта права, как носителя культуры. Личность задает масштаб гражданина, а гражданин является мерой публично представленной реализации личности в данных социальных условиях.

Для методологии анализа проблемы особое значение понятия личности состоит в том, что оно позволяет представить феномен гражданина как результат и одновременно как процесс взаимодействия общества и культуры. Понятие личности и ее социально деятельной сущности позволяет выявить органически-духовный «механизм» соединения общества и культуры в реальности единого бытия по принципу взаимодополнительности, выявить источник, побудительные силы и режим их взаимообуславливания. Взаимообусловленность личности и гражданина выражается в том, что феномен гражданина связан со статичным, структурным аспектом

бытия индивида, а личность – с динамичным, показывающим возможность обновления и расширения данной социальной формы.

Эти три измерения позволяют представить и общее, статичное, структурное в теоретической модели гражданина, и ее динамичные характеристики: личностное начало служит источником изменчивости статичных характеристик этой модели. Динамическая природа феномена гражданина выявляется в связи с тем, что каждая социальная роль – это своеобразный отклик общности и культуры на действие специфических условий и обстоятельств. Многообразие условий античности порождает один набор социальных ролей, обстоятельства средневековья вызывают иной набор ролей. Понятие «комплекс социальных ролей» фиксирует многообразие и специфику исторических форм гражданина, которые будут развернуты в следующей части книги. Форма приспособительной и в какой-то мере творческой реакции общности на изменения среды создает социальные роли, из определенных сочетаний которых формируется феномен гражданина. Каждая социальная роль есть форма поведенческой реализации прав и обязанностей гражданина. Общество посредством данного комплекса ролей направляет поведение и деятельность индивида, регулирует основные и прежде всего публичные стороны его жизни. Таким образом происходит реализация институционального измерения феномена гражданина.

Одна сторона феномена образована социальным (институциональным) началом, другая – культурой как совокупностью ценностей, норм, образцов. Социальные роли расслаивают индивида на множество «Я» (отец семейства, супруг, владелец собственности, представитель определенной социальной группы (сословия), публичное лицо, участник судебного процесса, частное лицо и т.д.). Набор ролей, или образцов поведения в разных сферах жизни, задает границы бытия индивида, служит основой его социализации в требуемом для общности направлении, предписывая, ожидая и контролируя таким образом функциональное назначение данного индивида, стимулируя развитие лишь требуемых сторон личности и препятствуя возникновению и проявлению качеств, не вписывающихся в заданные пределы. Так, в античности от индивида, имеющего социальный и политико-правовой статус гражданина, требовалось исключительно государственно ориентированное исполне-

Часть I. Проблема исторического становления

ние роли гражданина, поэтому данная социальная роль была преимущественно поощряемой стороной личности. Здесь очевидно фактическое, исторически обусловленное пробуждение в индивиде полисного (политического) деятеля. Стремление индивида участвовать в публично осуществляемом управлении городом-государством было первой пробудившейся стороной личности. Но эта ее сторона вместе с тем есть лишь социальная (политическая) функция личности. Значит, гражданин – это публичное лицо индивида, это сторона личности, исторически разбуженная первой, это не целостная и не индивидуализированная личность. Здесь личность совпадает с ролью гражданина.

Однако в каждой социальной роли заключается некая двойственность, обусловленная тем, что она не только задает поведение, но и ожидает исполнения. Нормы, образцы, стандарты, предписываемые социальной ролью и стоящими за ней механизмами и институтами социума и культуры, не могут воспроизводиться иначе как посредством следования им индивида. Их существование зависимо от его свойств, мотивов, действий. Нет автоматического воспроизводства социальных ролей и стоящих за ними норм и ценностей без их наполнения индивидуально-личностными характеристиками индивида. Степень давления социума и культуры на индивида в разные эпохи различна, но всегда есть и конкретно-историческая степень индивидуальной свободы, поначалу связанная с физическими, физиологическими и психологическими его свойствами, от которых, в частности, зависит исполнение им ожидаемой от него роли. Есть также различная степень социализированности индивида и т.д. Эти же особенности индивида влияют на характер исполнения им той или иной роли. Поэтому процесс исполнения социальной роли представляет собой одновременно и процесс стандартизации поведения и свойств индивида, и процесс индивидуации. Последний имеет отношение и к влиянию на саму социальную роль – разнообразному ее содержательному наполнению, и на личность индивида – меру разнообразия и органичности ее свойств. Поскольку у индивида всегда есть хотя бы небольшой набор социальных ролей, то между ними время от времени возникает расхождение.

Конфликт между различными социальными ролями, противоречивая внутренняя структура каждой роли, противостояние

стандартизации и индивидуации в исполнении любой роли находят разрешение на уровне личности. Возможность минимального выбора создает личность. К тому же и культура предоставляет некий спектр различающихся образцов, на которые может опереться индивид в процессе выбора. Посредством различных механизмов социализации (ритуалов, обычаев, традиций и т.п.) индивид получает набор ценностных образцов действия и отношений, служащих основой для мотивации его деятельности. Однако процесс социализации индивида включает в себя и механизмы индивидуации – применения ценностных образцов в преломлении к конкретной ситуации, своеобразной сети отношений индивида, психофизиологическому и хотя бы минимальному духовному своеобразию личности. Поэтому мотивы всегда представляют собой индивидуальное преломление общезначимых ценностей.

Гражданское поведение является ответом на требования социальной реальности, складывающейся одновременно из условий данного социума (устойчивой социальной структуры общности) и требований (норм, образцов) культуры. Таким образом, феномен гражданина оказывается таким социальным приспособлением – инструментом, средством, способом, даже технологией жизни, которое позволяет общности «программировать» поведение своих членов в соответствии с требованиями собственного социального порядка – устройством, совокупностью институтов, соответствующими нормами культуры (моральными, религиозными, правовыми и т.п.), но оставляет для самого индивида определенный зазор между требуемым и реальным поведением, то есть небольшую свободу выбора как основу чувства собственного достоинства. Здесь, в точке сопряжения адаптивного и индивидуально своеобразного (в перспективе – творческого) поведения и появляется возможность для возникновения и развития личности.

Построение функциональной модели гражданина связано со стремлением выявить динамические аспекты истории, поскольку данная модель позволяет акцентировать внимание именно на динамике социальных явлений, а не на их стационарности. Она включает в себе эту внутреннюю динамику, хотя в ней присутствует и момент инвариантности. Динамичность, внутренняя подвижность модели выявляется при рассмотрении большого временного интервала, включающего разные исторические эпохи. Функцио-

Часть I. Проблема исторического становления

нальная модель гражданина представляет собой такое новообразование, с помощью которого социум приспосабливается к различным обстоятельствам. Каждой из исторических форм феномена гражданина присуща специфическая его модель, но в каждой из моделей в самой ее уникальности высвечиваются инвариантные черты, которые позволяют идентифицировать ее именно как модель гражданина, а не какого-то другого феномена.

Благодаря своей пластичности модель позволяет поддерживать определенный порядок, устойчивость в обществе. Общество предстает как живое целое, находящееся в состоянии динамического равновесия. Внутренние и внешние вызовы среды модель встречает по-разному в зависимости от силы и характера вызова, от его соответствия параметрам самой модели. Она может принять или уклониться от решения задач, возникающих перед ней в связи с «вызовом». В этом данную модель можно уподобить скорее организму, чем механизму. Функциональное истолкование феномена гражданина дает возможность представить один из способов, с помощью которого сообщество обретает подвижную устойчивость. Таким образом, смысл модели состоит в том, чтобы рассмотреть феномен гражданина в единстве его устойчивых и повторяющихся, с одной стороны, и динамических и необратимо направленных – с другой, моментов.

Качественные, содержательные характеристики общности граждан как пространства существования феномена гражданина можно описывать многими парами противоположных понятий. Среди них: 1) город (городская общность) – округа (деревенская, сельская общность); 2) политическое, государственное, цивилизованное общение (общество, социальные связи, социальная организация), где господствуют право (справедливость), закон, порядок, мир, солидарность, добровольность в общении граждан – дополитическое, протогосударственное, нецивилизованное (варварское) общение, где господствуют бесправие, беззаконие, хаос, война, разобщенность, принудительность; 3) господство граждан – подчинение (зависимость) неграждан; 4) прямое осуществление власти гражданами – опосредствованное, или прямая – представительная демократия; 5) самоорганизация, самоуправление граждан, с элементами децентрализации управления, с автономией отдельных административно-территориальных единиц государства, вплоть до

автономии каждого гражданина – государственная организация общества, характеризующаяся централизованностью управления, отсутствием автономии единиц административно-территориального устройства государства. Все эти оппозиции являются важными для анализа феномена гражданина в разные эпохи. Однако, стремясь к созданию емкой, четкой и ясной модели, мы остановили свой выбор на необходимом минимуме понятий, без которых реконструкция и понимание феномена невозможны. При этом мы считаем, что этот минимум в дальнейшем может дополняться и конкретизироваться другими оппозициями для более полного воссоздания каждой исторической формы гражданина.

Итак, три основных измерения функциональной модели гражданина конкретизируются комплексом следующих бинарных оппозиций: 1) *свои – чужие*; 2) *господство – подчинение*; 3) *эгалитарное – элитарное*; 4) *публичное – частное*; 5) *открытое – закрытое*. В наличии то скрытого, то явного и усиливающегося напряжения между полюсами каждой оппозиции и проявляется динамичный характер модели. Сам набор оппозиций представляет собой открытую систему, в которой есть как устойчивые, инвариантные пары понятий, с помощью которых можно рассматривать любые исторические проявления феномена гражданина, так и вариативные, связанные лишь с одной из исторических форм гражданина. Этот набор оппозиций позволяет воссоздавать и специфические модели гражданина. Каждая бинарная оппозиция задает границы одной и той же формы явления, исторически наполняемой новым содержанием.

Реконструировать функциональную модель гражданина мы пытаемся сообразно конкретно-историческим обстоятельствам. Вводя эти параметры, мы задаем каркас модели как ее инвариант. Однако этот каркас каждый раз предстает в каком-то специфическом виде по сравнению с идентичным явлением другой исторической эпохи. Специфику явления привносит новое культурно-историческое содержание данного каркаса. Благодаря этим свойствам модель не превращается в стереотипную схему, безразличную к деталям исторической реальности, она предназначена соответствовать требованию быть соразмерной каждой исторической эпохе. Ж.П. Сартр, развивая идею свободы и субъективности человека, писал: «Содержание всегда конкретно и, следовательно, непред-

Часть I. Проблема исторического становления

сказуемо. Всегда имеет место изобретение»¹. Наличие содержательных бинарных оппозиций в модели гражданина позволяет связать ее с реальностью, протестировать живой эмпирический материал, проверить ее исследовательскую эффективность. В этом смысле наша модель – это структурно-семантический каталог² параметров, пригодный для реконструкции любой исторической формы феномена гражданина в контексте и материале соответствующей эпохи.

Формально, пространственно полюса каждой бинарной оппозиции обозначают пределы, внутри которых проявляется тот или иной параметр феномена. Но в то же время содержательно они выражают действительные крайности, противостояние которых и придает модели динамику. Конкретно-исторический исход этого противостояния определяет одно из существенных свойств самого феномена. Итог противостояния определяется способностями и качествами субъекта отношений и деятельности. Субъект может довести их противостояние до поглощения одного полюса другим, а может найти их равновесие. Примирить эти крайности может некий медиатор. Способности быть медиатором зависят от исторического и культурного контекста бытия человека, посредством которого задаются возможности и условия осуществления акта медиации.

Концептуальная формулировка идеи медиации принадлежит К. Леви-Стросу. Применив принципы структурной лингвистики к анализу мифологии и фольклора, он выявил зафиксированную в языке структуру бессознательного, состоящую из бинарных оппозиций. Мифология рассматривается им как основа знаково-символических форм культуры, поэтому ее структура пронизывает культуру в целом, мышление и внутреннее «Я» человека. Однако структура мифов не есть нечто неизменное. Леви-Строс открыл «движение мифов от фиксации противоположностей к прогрессирующему посредничеству»³. Медиатор – это мифический культурный герой, осуществляющий посреднические функции между про-

¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 341.

² Этот термин мы позаимствовали из книги Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998. С. 209.

³ Мелетинский Е.М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса // К. Леви-Строс. Структурная антропология. М., 1985. С. 471.

тивоположными мирами (напр., небом и землей), переход от противопоставления явлений (или отношений) к их сближению через изобретение неких новых звеньев для их возможного объединения. Медиатор (напр., трикстер) обладает двойственной, противоречивой природой, обусловленной его одновременной причастностью к противоположным мирам (явлениям, отношениям, процессам), но которую (природу) он должен преодолеть¹. Следовательно, медиатор – уже как герой культуры в целом, это существо, само бытие которого обрекает его на преодоление противоположностей внешнего существования (в том числе, и в социальной организации) посредством внутреннего самопреодоления – поиска единства в собственной двойственности, поиска внутреннего равновесия. Или наоборот, преодоление собственной раздвоенности осуществляется путем поиска средств снятия внешних преград, вовне, внешними средствами.

Сами бинарные оппозиции инвариантны, в этом проявляется структурное тождество любых исторических форм гражданина, но в специфическом обличье они проявляют семантические различия, поскольку их содержание погружено в конкретно-исторический культурный контекст. Бинарность модели, заключающаяся в двойственности каждой из оппозиций, проявляется как соотношение институционального и ментального аспектов. Здесь речь идет о содержательной стороне модели, о наполнении ее каркаса конкретными характеристиками. Устойчивые элементы этой модели, отражающие объективные условия бытия индивидов и общностей, – это институциональное в феномене гражданина. Динамичные элементы, отражающие субъективные, содержательные стороны бытия, связаны с культурным (ментальным) и личностным измерениями феномена гражданина. Личность как особая форма социальности и есть тот медиатор, который осуществляет перевод столкновения оппозиций на уровень, где возникает целое – гражданин как образующее начало гражданского общества. Функционирование социума постоянно порождает противостояние институционального (социума) и ментального (культуры). Столкновения между этими сторонами человеческого бытия, или социального процесса становятся конструктивными, а не конфликтными, именно при условии возникновения медиатора, роль которого выполняет личность.

¹ *Левин-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985. С. 203.

Часть I. Проблема исторического становления

Каркас феномена, контуры которого описываются структурно-семантический каталогом бинарных оппозиций, обеспечивает единство предмета исследования и позволяет создать последовательное изображение исторических форм феномена гражданина. Между бинарной оппозицией и социальной ролью существует устойчивая связь: оппозиция выражает, во-первых, конкретную ограниченность роли (например участие во власти) и, во-вторых, ее предельную форму (господство гражданина над другими возвышает его над ними, обозначает особую природу власти), конечный смысл.

Оппозиция *свои – чужие* описывает круг членов той или иной формы общности, обладающих определенным набором признаков, необходимых для принадлежности к ней какого-либо индивида для его включения в данную общность. Набор признаков содержит как устойчивые, так и исторически меняющиеся признаки. Но сам принцип деления людей на своих и чужих, воплощенный в языке и иных формах культуры, имеет общеисторическое значение. Это некий иерархизированный комплекс, исторически меняющийся в сторону все большего усложнения его структуры, где вновь появившиеся признаки подчиняют себе уже имеющиеся, включая их в собственную структуру.

Оппозиция *господство (власть) – подчинение (безвластие)* имеет экономический, социальный, политический, правовой, религиозный и иные аспекты, или стороны власти. Гражданин любой из указанных нами исторических эпох или цивилизаций определяется через участие во власти (или господстве) и управлении обществом. Характер, степень, формы участия всегда различны, но само властвование – центральная роль гражданина. Безусловно, гражданин всегда и везде подчиняется законам и режиму функционирования целого (общности граждан, государства), то есть ему присущ и второй полюс данной оппозиции. Однако в первую очередь статус гражданина связан с объемом его политических прав и обязанностей, с участием в принятии политических решений, которые становятся законами этого целого. Первый полюс данной оппозиции как раз и позволяет гражданам («кругу своих») резко отделять себя от неграждан («чужих»), положение которых определяется отношениями и механизмами подчинения. Здесь появляется момент субординации элементов – подчинение «чужих» «своим». «Чужие» – это либо еще непокоренные враги, либо враги подчиненные, пле-

ненные, постепенно становящиеся необходимым элементом данной социально-политической системы.

Бинарная оппозиция *господство – подчинение*, рассматриваемая посредством выделения внутреннего и внешнего аспектов, приобретает вид оппозиции *равенство (справедливость, равноправие) среди своих – неравенство (использование труда) с «чужими»*. Отношение *господство – подчинение* – центральный нерв любого типа власти. В доиндустриальных обществах эти отношения проявляются в чистом, непосредственном виде, в индустриальных – в многократно опосредованном. Эта оппозиция продолжает противопоставление «своих» «чужим», конкретизируя характер отношений между «своими». Самоопределение относительно «чужих» подразумевает внутреннюю структуризацию отношений между «своими». Существенными характеристиками «своих» и «чужих» являются признаки свободы или зависимости (рабства). Равенство (хотя бы формальное), выражаемое с помощью конкретного представления о справедливости, возможно лишь среди «своих», «лично свободных», масштаб которых конкретно историчен. Интересна здесь именно гармония и взаимообусловленность свободы и равенства, это – равенство свободных. Это и новый уровень отношений, существующих не в «большом» сообществе, а внутри круга «своих», граждан. На данном уровне продолжает действовать тот же «механизм» культуры – противостояние полюсов оппозиции и ее разрешение (снятие).

Углубление рассмотрения характера отношений внутри общности граждан достигается за счет следующей оппозиции *эгалитарное – элитарное*. Здесь речь идет о борьбе тенденций, приводящей к конкретному виду внутреннего устройства общины граждан: эгалитарность выражает горизонтальный срез отношений между гражданами, элитарность – вертикальный. Взаимодействие этих тенденций воплощается в социальной структуре гражданской общины, институционально закреплённой в виде устройства государства, в виде «порядка должностей» (Аристотель), занимаемых гражданами, в виде иерархии властных полномочий. Тенденция элитарности способствует возникновению элиты, стремящейся к обособлению внутри общины, концентрации и закрытости власти. Особенности этих структур конкретно историчны, но сама социально-политическая (государственная) структура как структура

Часть 1. Проблема исторического становления

властных, политических отношений между гражданами присуща всем историческим формам гражданского общества. Причем политико-правовой статус гражданина, кристаллизующий в себе его экономический и социальный статусы, выступает в качестве исходной несущей конструкции всей политической системы.

Четвертая бинарная оппозиция – *публичное – частное* выражает политико-правовые аспекты конкретно-исторического отношения части и целого. В качестве целого выступает та или иная социально-политическая система, включающая определенное состояние общества и государства, а в качестве части – единица, неразложимый «атом», системообразующий элемент исторической общности – индивид. Соотношение публичного и частного в отношении феномена гражданина варьируется исторически в диапазоне от их неразличимости к взаимному определению границ в новое время. В этом смысле можно говорить о становлении пространства частной жизни гражданина. К этому имеет непосредственное отношение развитие форм культуры, признающих ценность (неприкосновенность, приватность, автономию) индивидуально-личностных аспектов бытия индивида, причем как духовных (религиозно-нравственных, в первую очередь), так и экономических (частная собственность), правовых (частного права), политических (в той части, где конституционный статус гражданина признает политическую автономию, суверенитет гражданина и гарантирует его гражданские права).

Наша функциональная модель может быть обращена как к целому – тому или иному состоянию общественно-политической системы (полису, Священной Римской империи, вольным городам позднего средневековья, национальному государству нового времени), так и к части, то есть собственно гражданину. Феномен гражданина невозможно вырвать из контекста социально-политической системы, поэтому модель элемента системы в определенной мере служит моделью всей системы.

Структурно-семантический каталог бинарных оппозиций, на наш взгляд, позволяет достаточно эффективно исследовать и ментальное измерение феномена гражданина. Конкретное содержательное наполнение каждой социальной роли в модели гражданина мы выражаем определенной бинарной оппозицией, которая задает границу поля социальной роли. Так, социальная роль члена город-

ской общины, связанная с внутренними отношениями в общине, задается оппозицией *свои – чужие*, последний полюс представляет собой нижнюю границу ее наполнения, отождествление с которой ставит человека за пределы городской общины, лишает его данного социального статуса и прав, связанных с ним. Та же роль, обращенная к внутреннему структурному аспекту – устройству общины, то есть к вертикальным отношениям в ней, может быть выражена оппозицией *эгалитарное – элитарное*. Социальная роль обладателя собственности, связанная с экономическим статусом гражданина, выражается оппозицией *свое – чужое*. Политическая роль гражданина, связанная с участием его во внешних отношениях городской общины, а также с его положением во внутренней иерархии должностей в общине, осознаваемом в понятиях чести, достоинства и т.п., выражается бинарной оппозицией *господство – подчинение*. Роль субъекта права, участника правовых отношений может быть задана оппозицией *частное – публичное*.

Помимо инварианта в функциональной модели гражданина есть вариативная часть, выражаемая динамическими бинарными оппозициями. Это своего рода механизмы, отвечающие за режим функционирования ставшей системы и за коренное изменение ее качественного состояния. Динамические бинарные оппозиции вступают в действие в соответствии с суперритмом культуры, включающем циклы и фазы ее развития. Оппозиция *открытость – закрытость* представляет собой динамическое измерение той или иной общности. Это процессуальная характеристика, позволяющая обнаружить источник и механизм формирования, функционирования (бытия) и трансформации той или иной политической общности вплоть до ее качественного изменения или исчезновения, а также определить характер границ, отделяющих ее от соседних общностей, и режим принятия (вовлечения, инкорпорации) индивидов в число членов данной общности и изгнания из нее. Это характеристика меры свободы доступа в данную общность, идентифицирующуюся в качестве общности «своих».

Лишь теперь, когда описана инвариантная функциональная модель гражданина, становится возможным дать определение данного феномена¹. Гражданин – социальная роль правоспособной лич-

¹Близкое нашей позиции определение гражданина дано В.А. Бачининым и В.П. Сальниковым: «Гражданин – социальная роль правоспособ-

Часть I. Проблема исторического становления

ности (индивида, признанного членом определенной социально-политической общности и субъектом прав), которая формируется в ходе внутренней эволюции определенной культуры и под воздействием политической системы в целях поддержания жизнеспособности данной системы. Эта общая роль включает целый набор специфических ролей (функций), вытекающих из конкретно-исторически, социокультурно обусловленной необходимости для личности выступать в качестве медиатора целого ряда бинарных оппозиций, разрешаемых им как в ментальной, так и в институциональной форме: *свои – чужие, господство – подчинение, эгалитарное – элитарное, публичное – частное*. Гражданин – конкретно-исторический социокультурный феномен, поэтому наряду с устойчивыми, структурными, институциональными его параметрами, имеющими черты сходства с другими его историческими формами, каждая эпоха и каждый социокультурный контекст существования данного феномена создают его специфические черты. Медиация всего ряда оппозиций осуществляется личностью каждый раз в специфическом виде. Сам процесс медиации есть уникальный результат взаимодействия комплекса социокультурных институциональных и ментальных факторов и конкретных социокультурных характеристик субъекта медиации. Осуществимость (эффективность, зрелость, уровень, характер) процесса медиации также определяется сочетанием многообразных социокультурных факторов, складывающихся на индивидуальном и социальном уровнях.

Конструируя инвариантную функциональную модель гражданина, мы стремились найти гибкое решение оппозиции устойчивого и изменчивого в истории феномена гражданина как политической формы культуры путем согласования гегелевской и шпенглеровской версий философии истории. Такой синтез для нас связан с совмещением генетического и структурного рассмотрения западноевропейской истории, где выявлению преемственности исторических форм гражданина, их культурной и временной связи не противоречит фиксация состояния каждой конкретной формы. Ге-

ной личности, занимающей позицию медиатора между сторонами бинарной оппозиции «государство – гражданское общество» (Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000. С. 71-72). Однако это определение касается лишь нововременной формы гражданина и не охватывает ряд необходимых для описания феномена параметров.

нетическая связь между историческими формами западноевропейского гражданина детерминирует временную устойчивость конструкции функциональной модели гражданина. Это подтверждается с помощью данных философии культуры, которые составляют один из источников методологии социокультурного подхода и органично соответствуют ей. Устойчивость функциональной модели определяется тем, что С.С. Аверинцев характеризовал как «поэтику общего места».

Поэтика древнегреческой литературы характеризуется обработкой норм, которые для европейской литературной традиции и культуры в целом сохраняли значение в течение двух тысячелетий. «Эллинская классика подготовила и осуществила ... всемирно-исторический поворот от дорефлективного традиционализма ... к рефлексивному традиционализму, остававшемуся константой литературного развития для средневековья и Возрождения, для барокко и классицизма и окончательно упраздненному лишь победой антитрадиционалистических тенденций индустриальной эпохи»¹. Рефлексивный традиционализм оказался связан с самоопределением литературного жанра, оформлением его канона, обретением им «своей собственной воли». Жесткие нормы этого канона весь этот период включали каждого автора в «состяжание» (битву «имяреков») со своими предшественниками, в котором «подражание выступало как спор и спор как подражание». Через спор-преemptивность воспроизводилась литературная и культурная традиция. В эпоху замкнутых традиционалистских культур поэтика развивалась как жесткая нормативная система правил языка и мышления, как схема описания и понимания реальности, одним из необходимых элементов которой был идеальный тип героя. Норма и тип литературного персонажа (героя) находятся друг в друге, полагают друг друга. С.С. Аверинцев выделил следующие инвариантные элементы поэтики «общего места»: анонимность, преимущество внеличного над личностным; повышенная консервативность поэтики «общего места»; приверженность стилю рассудочного препарирования – сведению конкретного факта к «универсалиям»²; дихотомичность и инверсионность конструкции². Трансфор-

¹ Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3.

² Там же. С. 29, 33.

Часть I. Проблема исторического становления

мация заданной греками основной установки сознательных литературных исканий легла в основу целого цикла в развитии европейской культуры, который закончился с подъемом жанра романа.

Приход романа, знаменующий второй поворот в европейской культуре, разрушил и традиционную систему жанров, и восходящую к античности аристотелевскую концепцию жанра, и стоящую за ней мировоззренческую установку «на «рассудочное» сведение конкретного факта к «универсалиям», к «общему месту»¹. С появлением сентиментализма, романтизма и реализма произошла смена ведущего стиля в литературе и культуре – от «общего места» к конкретике явлений, к «жизни как она есть». Начавшись на исходе Ренессанса, пик второго поворота пришелся на вторую половину XVIII века и характеризовался протестом, «мятежом против «рассудочно-традиционалистской» правильности» и эмансипацией принципа субъективизма, вкусом к «варварскому», «готическому», «принципиально антиклассическому», к «местному колориту», плюрализму, к «сознательной эстетизации неоформленности, хаотичности природы»². В рамках нового жанрового стиля, новой поэтики – реализма, началось исследование деталей, конкретики внешней и внутренней душевной жизни личности. Внимание переключилось на исследование единичного, неповторимого, частного, индивидуального, появилось стремление опрокинуть готовые мыслительные схемы и жанровые нормы, вместо культа анонимности возникла гедонистическая установка автора на самовыражение. Свобода творческой субъективности, индивидуальность, произвол автора (в композиции, трактовке персонажей и т.д.) все более размывали и вытесняли каноны жанров. Это знаменовало распад ограниченного рационализма классической поэтики и приход в культуру – литературу, философию, политику рационализма неограниченного. Появление жанра романа вело к преодолению строгости жанрового канона, вносило «проблемность», «смысловую незавершенность», «живой контакт со становящейся современностью»³. Разрушение прежней нормативной основы литературы не-

¹ Древнегреческая поэтика и мировая литература ... С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 450-451.

обходимым образом означало и перспективы исчезновения типа идеального героя, одним из воплощений которого был идеальный гражданин, свойственного поэтике «общего места».

Философия истории подчиняется этому единому для культуры стилю, или логике «общего места». Гегелевская философия истории пронизана логикой движения от схемы к факту, когда формируемая сверху норма жизни предписывается реальности, а система социализации-воспитания «формирует» (штампует, производит) реальных людей в соответствии с нормами «идеального» человека (гражданина). Именно в цикле существования этой традиции виден генетический аспект истории европейской культуры – внутренняя связь социокультурных явлений античной, средневековой, ренессансной эпох и периода раннего нового времени.

Подводя предварительные итоги, необходимо расставить некоторые акценты. Феномен гражданина, по нашему мнению, является динамичным средством адаптации той или иной общности к постоянно меняющейся среде. Общий смысл феномена, высвечивающийся за пространственным и временным разнообразием его исторических форм, состоит в том, что он способствует увеличению спектра возможностей целенаправленного движения истории. Последнее связано с развитием личности, политической ипостасью которой является феномен гражданина. Социальная функция феномена гражданина заключается в том, что он позволяет определенной общности явно или неявно, номинально или реально, с разной степенью последовательности подключать к прямому (в случае прямой демократии) или опосредованному (в случае представительных форм демократии) управлению им наиболее активную часть общества, ставя ее в привилегированное по сравнению с остальным населением положение. Каждая историческая форма гражданина – конкретная форма легитимации власти элиты, позволяющая разделить с гражданами власть и ответственность за ее осуществление.

Функциональная модель гражданина способна учитывать роль объективных институциональных и субъективных факторов в формировании конкретной политической общности, ее культурных оснований и структуры, режима функционирования и развития. Инвариантная функциональная модель феномена гражданина представляет собой единство трех измерений – институционально-

Часть I. Проблема исторического становления

го, ментального и личностного. Рассмотрение модели в виде структурно-семантического каталога бинарных оппозиций (свой – чужие, господство – подчинение, эгалитарное – элитарное, публичное – частное, закрытое – открытое) позволяет рассматривать исторические формы феномена гражданина более конкретно и содержательно. Модель высвечивает и роль личности в осуществлении медиации между оппозициями, пронизывающими ментальные и институциональные характеристики бытия гражданина, способствуя раскрытию динамических сторон социальной истории в целом. Функциональная модель гражданина, сконструированная нами, является логико-методологическим инструментом для сопоставления разных форм гражданина. Она позволяет видеть пространственное и временное разнообразие форм гражданина и выделять сходные структурные особенности в разных его формах, решая проблему соотношения универсального и локального в феномене.

Прежде чем начать анализ исторических форм феномена гражданина, необходимо обратить внимание на теоретико-методологический потенциал нашей модели. Он раскрывается в полной мере при соблюдении следующих условий: а) рассмотрения в «вертикальном», диахроническом измерении, что открывает возможность развернуть модель в культурно-историческом контексте и выделить четыре исторические формы феномена гражданина в Западной Европе; б) «горизонтальный» аспект анализа дает возможность представить пространственное разнообразие исторических форм гражданина сравнить исторические формы гражданина в Западной и Восточной Европе, а также России; в) рассмотрение модели как структурно-семантического каталога бинарных оппозиций позволяет анализировать динамичные содержательные характеристики исторических форм гражданина, тесно связанные с культурно-историческим процессом и социокультурным контекстом, в том числе с новообразованиями в культуре каждой исторической эпохи; г) предположения о конструктивистском характере модели: потенциал модели таков, что комбинирование ее структурных элементов (каркаса) открывает перспективы построения картины последовательной трансформации феномена гражданина в единстве его инвариантных и динамичных характеристик.
